

«Евгений Онегин... Пушкин»
в Театральном агентстве «БОГИС»

ПРОЩАНИЕ С ЮНОСТЬЮ

Павел Руднев

В СЕМ нам со школьных времен известен тот строй детской души, когда заданное к завтрашнему дню стихотворение нейдет на язык и никак *не учится*. Ребенок с книжкой в руках достоят, полегит, посидит, вскочит, походит, помолчит, заложит пальчик между страниц, бубня под нос тут же вылетающие из головы строчки. Чтобы удержать теряющийся при бесчисленном повторении строк смысл, он начинает коверкать слова, менять интонации, кривляться и корчить рожи, придавая стихам иронический, чуть злой или, по крайней мере, *чужой* смысл. И лишь будущие актеры понимают, что именно в этот момент возникает стихия театральной игры, загорается искра сотворчества. Такой, родной с детства, стиль прочтения «Евгения Онегина» актеры, ученики Петра Фоменко **Михаил Крылов** и **Галина Кашковская** сделали стилем своего спектакля.

Онегин с подрисованными усами, Онегин в понимании ребенка, преображенный таким образом, чтобы тут же стать своим, понятным, родным. Карикатура на Онегина, помогающая преодолеть и пелену времени, отдаляющую современника от событий двухвековой давности, и, главное, естественную «непонятливость» пушкинского смысла человеком «*в восемнадцать лет*». Актеры другой эпохи, другой энергетики, не способные увлечься самим ритмом стиха, его произнесением вслух, они могут лишь «подставлять» собственные фантазии к «букве» текста. Именно «оживляж», «анимация» пушкинского сюжета становится главным принципом «сборки» спектакля — вот Онегин, изрядно заливший шампанским «жир котлет», спешит, гонимый «звоном Брегета», в театр; он сильно пьян и брутально весел, ковыляет по ногам зрителей, недовольно утврждая: «*всех пора на смену*». В том же духе разыгрываются и монолог о стройных ножках, и представление о хандре, и сюжет о Москве («*Москва, я думал о тебе*») актеры произносят, трясясь и уворачиваясь в тесных вагонах Московского метро).

Пропуская эмоции и сложные психологические обертоны, они смело продвигаются по стезе повествования, пересказывая сюжет присвоенными словами и *от своего лица*. В угаре отождествления (а как иначе понять литературных героев!) они превращают их в себе подобных, в карикатуры на самих себя. Онегин — в кожаных брюках, модном пиджаке и смятом «боливаре» в любовных сценах выглядит не хуже, чем Джим Керри в фильме «*Маска*» — фантастический герой-любовник, что развязно подваливает к Татьяне, пританцовывая румбу. Татьяна — «*дика, печальна, молчалива*» — видится неловкой, кособокой, трусливой девчонкой с развесистыми косичками и языком наружу, что идет на прогулку и удочкой в руке, задевает театральные светильники, оступается, беспричинно ревет или глупо смеется. Так или почти так представляет себе Онегина и Татьяну любой младшеклассник. «Евгений Онегин» в «БОГИСе»

— роман в стихах, прочитанный самим Онегиным на самой ранней стадии развития, когда тот, еще посетитель театров и светских заведений, еще «лондонский денди», не перешел стадию «русской хандры», не приобрел «чайлыгарольдовских» настроений. Ему все кажется таким комичным, таким легким и несколько придурковатым (в спектакле часты и другие школьные шутки — не дочитанные до конца фразы обретают иной смысл: «*бывало, писывала кровью*» и через минуту — «*она в альбомы нежных дев*»).

шлом. Молодость прошла... Остались воспоминания и грезы...

Есть версия, что в «Онегине» Пушкин прощается со своей холостой жизнью, шумной молодостью. Актеры уловили, кажется, именно эту интонацию «Онегина». И шалости их, и шутки — последняя игра вчерашних детей, печальный девичник, пьяный мальчишник. Они переживают уходящую юность, свойски прощаясь с ней, «по капле» выдавливая детство и даже студенческий дух, когда всё еще — можно.

Татьяна: «дика, печальна, молчалива»?.. Сцена из спектакля «Евгений Онегин». Фото Артема Чернова (НГ-фото)

Детские шалости... Милые уже потому, что в них Пушкин обретает самого эмоционального читателя, в сущности — друга, которого ценить не за ум, а за способность сопереживания, за то, что с ним не нужно стесняться. Этот спектакль волнует сердце, не ум...

Играют подробно, медленно — в самом начале, там, где Пушкин только накапливает, коллекционирует приметы времени, а к концу, там, где роман количество впечатлений переводит в их золотое качество, в область сердечных чувств, где время и действие останавливаются, — ритм быстрый, стремительный. Только в финале, когда Татьяна в малиновом платье леди в своем прощальном ответе Онегину прочет последние строки: «*Судьба моя уж решена... но я другому отдана...*», привычно скорая речь будет постепенно замедляться, резко притормаживаться так, что последние слова будут выглядеть набором даже не звуков, а буквенных обозначений. Здесь для наших героев произойдет нечто очень важное. Они взрослеют — приостанавливая фразу, они, быть может, впервые задумываются над тем, что пережили в стремительном про-

Жаль только, что спектакль этот появился в судьбе учеников Петра Фоменко поздно. Успели повзрослеть они гораздо раньше, чем заговорили об этом. Этот факт нельзя не отметить, когда в каждый момент чувствуешь специфическую тоску по игре, по пребыванию на сцене — после выхода в 1998 году из стен РАТИ, откуда все ученики Фоменко выходили звездами (а эти — особенно), Михаил Крылов до сих пор ни разу не появился на театральных подмостках, а Галина Кашковская, хоть и была взята в труппу театра «Эрмитаж», пока не имела возможности по-настоящему выделиться. «Евгений Онегин» для них двоих — реализованная жажда актера по публике, жажда задержавшаяся, отчего у спектакля не отнять некоторой доли актерского графоманства (хотя, возможно, им просто не хватило режиссуры — постановщиком был сам Крылов). Такое прощание с детством выглядело бы идеальным два-три года назад, теперь же оно — немного перезрело. Но и это не помешает тому, что в театре называют «сулейбой спектакля», — она, надеемся, будет счастливой и долгой. ■